

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-44-54

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И ИРОНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Захарова М. В.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировав функционирование и восприятие носителями языка языковой игры и иронии в реальной и виртуальной коммуникации, уточнить понимание данных терминов и взаимоотношения между обозначаемыми ими явлениями.

Процедура и методы. На основании экспериментальной, исследовательской и аналитической деятельности по изучению языковой игры и иронии в русском языке и языковом сознании носителей русского языка предлагается уточнение понимания сущности и взаимосвязи этих явлений. Основными методами являются эксперимент, аналитический и эмпирический методы.

Результаты. Сформулировано уточнённое непротиворечивое и в достаточной степени универсальное определение языковой игры. Описано соотношение понятий языковой игры и иронии в коммуникации и сознании носителей русского языка. Экспериментально подтверждено несоответствие между преимущественно положительной оценкой явления иронии и преимущественно отрицательной оценкой фактов использования иронии в конфликтной коммуникации.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в дополнении и уточнении понимания сущности языковой игры и иронии в коммуникативной деятельности носителей языка.

Ключевые слова: ирония, коммуникация, конфликтоген, языковая игра, языковое сознание

LANGUAGE GAME AND IRONY IN COMMUNICATION INTERACTION

M. Zakharova*Moscow City University**pr. Vtoroi Selskhoziazstvenny 4, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. By analyzing the functioning and perception of the language game and irony by native speakers in real and virtual communication, we clarify the understanding of these terms and the relationship between the phenomena designated by them.

Methodology. Relying on experimental, research and analytical activities to the study of the speech play and irony in the Russian language and the linguistic consciousness of Russian speakers, we clarify the understanding of the essence and relationship of these phenomena. The main methods are experimental, analytical and empirical.

Results. A refined, consistent and sufficiently universal definition of the speech play is formulated. The correlation of the concepts of speech play and irony in communication and consciousness of Russian speakers is described. The discrepancy between the predominantly positive assessment of the phenomenon of irony and the predominantly negative assessment of the facts of the use of irony in conflict communication is experimentally confirmed.

Research implications. The study supplements and clarifies the understanding of the essence of the speech play and irony in the communicative activity of native speakers.

Keywords: irony, communication, conflictogen, language game / speech play, language consciousness

Введение

Занимаясь изучением языковой игры в истории русского языка и, независимо от этого, иронии в коммуникативной деятельности носителей современного русского языка, мы постепенно пришли к заключению о невозможности описания иронии без использования термина «языковая игра», а затем и к выводу о близости и одновременно неоднородности явлений, описываемых этими терминами. Оба этих явления находятся в фокусе лингвистической мысли уже давно и многократно становились объектами разноаспектного анализа. *Ирония* как термин риторики и философии известна с античных времён, *языковая игра* как термин появляется только в 1953 г. в рамках философии языка Л. Витгенштейна [3]. Оба термина используются на протяжении своей истории в рамках двух терминосистем: применительно к конкретным языковым фактам в рамках риторики, литературоведения и лингвистики и применительно к особенностям мышления и миропонимания человеческой личности в рамках общей философии и философии языка. Для иронии, видимо, первично значение тропа, языковая игра же изначально обозначала тип человеческой деятельности. В современной лингвистике оба термина не имеют единого общепринятого значения и определяются в соответствии с ракурсом анализа. Наиболее значимыми работами в этой области, направленными на выработку единых подходов к осмыслению сущности интересующих нас явлений, в современной русистике нам представляются диссертационные исследования К. М. Шилихиной и З. А. Заврумова¹, касающиеся иронии, а также исследования Ю. О. Коноваловой в области языковой игры [10].

¹ См.: Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2017. 56 с.; Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2014. 50 с.

В рамках данного исследования нам хотелось бы поделиться теми системными выводами, которые сложились в результате целого ряда исследований, начатых в 2006 г. и посвящённых языковой игре в истории русского языка, русском художественном тексте, интернет-коммуникации и языковом сознании носителей русского языка², и продолжающейся с 2018 г. серии психолингвистических экспериментов, направленных на изучение восприятия, понимания и использования иронии носителями современного русского языка³.

Языковая игра: проблема терминологии

В современной лингвистике термин «языковая игра» определялся и уточнялся многими исследователями. Интересно отметить, что при всём разнообразии трактовок и оценок все основные направления анализа так или иначе были намечены Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. И. Розановой при первом появлении термина в русистике в 1983 г. [9]. Однако с течением времени мы всё больше склоняемся к выводу, что наименее спорный смысл он имеет в случае понимания компонента *игра* в значении, которое вкладывалось в него Л. Витгенштейном. Игра

² Напр.: Захарова М. В. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя. 2006. № 5. С. 159–168; Захарова М. В. Языковая игра в художественных текстах XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2011. № 2 (7). С. 15–20; Захарова М. В. Языковая игра в древнерусском культурном пространстве // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2012. № 1 (8). С. 18–23.

³ См.: Захарова М. В. Ирония в речевой деятельности носителя русского языка // Русский язык в глобальном и локальном измерениях. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2018. С. 50–55; Захарова М. В. Факторы формирования иронического контекста // Русистика и компаративистика: сборник научных трудов по филологии. Вып. XIV. М.: Книгодел, 2020. С. 103–118; Захарова М. В. Ирония как стратегия вербального воздействия // Речевое воздействие в разных курсах. Т. 5. Гданьск: Гданьский университет, 2021. С. 384–392.

как форма нормативной прагматической деятельности человека, базирующаяся на правилах, принятых в данном социуме. Или «способ использования языка» в терминологии Дж. Сёрля [12, с. 194]. Противопоставление же игры и нормативной языковой деятельности, закрепившееся в русистике, фактически замыкает языковую игру в области лингвистического эксперимента и творческой деятельности языковой личности (Н. Д. Голев, Т. А. Гридина, Б. Ю. Норман, С. Ж. Нухов, В. З. Санников)¹. Тогда как для полноценного носителя русского языка понимание и использование языковой игры, как нам представляется, далеко не всегда становится фактом творчества, часто являясь вполне обыденным. Современные исследования затрагивают практически все области речевой деятельности носителей языка, например, ведущий специалист в данной области Т. А. Гридина, глава екатеринбургской школы изучения языковой игры, обращается не только к детской речи периода активного лингвистического эксперимента и к креативным приёмам художественного текста, но и к интернет-коммуникации и к политическому дискурсу, но ключевым ракурсом рассмотрения является именно креативность языковой личности, т. е. её творческий потенциал, стимулирующий носителя языка выходить за пределы нормы в процессе эксперимента или творения – сосредоточения на форме. Как отмечает сама Т. А. Гридина в предисловии к пятой коллективной монографии «Лингвистики

креатива», определяя сущность этого, созданного ею и представителями её школы, направления (бесспорно, основного в современной русистике в области языковой игры): «исследования творческой природы языка, ... “пространства языкового креатива”»: широкого спектра дискурсивных практик социума, способствующих обновлению языкового канона и проявлению инициативы конкретной личности в использовании нестандартного речевого регистра» [11, с. 5].

И, действительно, когда языковая игра возникает в результате сознательной созидательной или разрушительной деятельности языковой личности, целью (или одной из целей) которой является порождение новой, значимой и эстетически ценной формы, об этом вполне целесообразно говорить в ракурсе креативности, но осознанное нарушение сложившейся нормы далеко не всегда таково, часто это обыденная практика рядового носителя языка, который ретранслирует понравившиеся искажения, игнорирует кажущиеся необязательными правила и создаёт неологизмы в процессе решения каждодневных коммуникативных задач, руководствуясь при этом простыми основными целями: быть как можно точнее, лучше и быстрее понятым собеседником, как можно эффективней стимулировать реципиента на необходимую деятельность, т. е. сосредотачиваться не на форме, а на практических задачах и целях коммуникативного акта. В этом плане удачным (максимально обобщённым) представляется определение, данное К. М. Шилихиной: «По своей сути игра является намеренным нарушением конвенций, связанных с использованием языковых знаков» [14, с. 38].

Наши наблюдения подтверждают, что во многих случаях говорящий не «играет с формой речи» [9, с. 172] в рамках некоего эстетического задания или эксперимента, реализуя эстетическую, гедонистическую, лудическую или комическую функцию языка, а прагматично ломает устоявшуюся норму для более действенного решения коммуникативной задачи. Любопытно, что

¹ В частности, Гридина Т. А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность: материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции, 25–26 апреля 2002 г. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2002. С. 22–27; Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. 215 с.; Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.; Нухов С. Ж. Языковая игра в словообразовании: на материале лексики английского языка: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 39 с.; Санников В. З. Лингвистический эксперимент и языковая игра // Вестник Московского государственного университета. Серия 9: Филология. 1994. № 6. С. 25–28; Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.

и эту ситуацию так или иначе отмечают исследователи «Русской разговорной речи»: «Но языковая игра может быть связана и с содержанием речи: она может служить для более точной и тонкой передачи мысли...» [9, с. 174–175].

Прагматический потенциал языковой игры стал объектом анализа в работах Ю. О. Коноваловой, С. В. Фуниковой, С. В. Ильясовой, Л. П. Амири, Н. Ю. Тимофеевой¹ и др. Н. Ю. Тимофеева определяет языковую игру как «речевое действие, заключающееся в намеренном отклонении от стандартного использования языка с целью поддержания коммуникативного контакта или создания эстетически значимой формы высказывания» [13, с. 8]. Ещё конкретнее определена прагматическая функция языковой игры у Ю. О. Коноваловой: «языковая игра рассматривается как осуществление определённых действий, способ для достижения цели при формировании значения говорящего» [10, с. 35].

Мы довольно долго определяли языковую игру как осознанное целенаправленное нарушение языковых, речевых, коммуникативных и лингвокультурных норм, акцентируя внимание на трёх значимых аспектах: **понимании** говорящим несоответствия того, что он говорит, существующим нормам; наличии у говорящего определённой **цели**, побуждающей его к такому решению; и собственно наличии языковой **неправильности**, очевидной для компетентного слушателя. В целом, это определение соответствует основополагающим, принятым большинством исследователей представлениям о сущности языковой игры, однако расширяет список норм, ко-

торые могут быть нарушены, включая не закреплённые в словарях и грамматиках, но осознаваемые, принимаемые или только ощущаемые носителями языка правила осуществления коммуникативного взаимодействия. К языковой игре, таким образом, будут относиться и примеры, содержащие не соответствующие норме языковые единицы (*Вы хотите песен, их есть у меня*), и нормативные с точки зрения языка примеры, невозможные в данном коммуникативном акте или данной культуре (*Идеальное решение, милорд!* – одобрение женой решения мужа есть блинчики с джемом). Все средства художественной выразительности, как мы полагаем, также должны рассматриваться как языковая игра, потому что их целью является привлечение и удержание внимания читателя для осуществления воздействия на его сознание, подсознание, чувства и эмоции, а это возможно только в том случае, если используемый языковой материал будет выполнять несвойственные ему функции или вообще отсутствовать в языковом сознании реципиента, следовательно, нарушать, сложившиеся в данном языке и социуме нормы.

В данной работе мы предлагаем несколько иное, как нам представляется, не столько более широкое, но более точное, определение: *языковая игра – это умышленное нарушение норм, существующих в сознании участников коммуникации, средствами языка с целью привлечения внимания реципиента языковой игры к нарушаемым нормам и возникающим на базе этих нарушений смыслам.*

Как показывают наши исследования, основным сигналом, позволяющим реципиенту опознать языковую игру, являются два одновременных ощущения: «так сказать нельзя» (или «так не говорят») и «говорящий делает это специально, с определённой целью, а не по ошибке». Отсутствие любого из двух компонентов делает невозможным интерпретацию языковой игры, т. к. при отсутствии первого ощущения текст маркируется реципиентом как нормативный, правильный (даже если это и

¹ Напр.: Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта: Наука, 2013. 294 с.; Тимофеева Н. Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 5–9; Фуникова С. В. Языковая игра как актуальная тенденция в городской коммуникации (на материалах г. Белгорода) // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. № 3. С. 35–40.

не соответствует действительности), а при отсутствии второго – как ошибочный, демонстрирующий некомпетентность, необразованность или ненормальность говорящего.

Ирония в коммуникации

На данный момент в лингвистике существуют три магистральных направления осмысления иронии как способа коммуникативного поведения: *ирония как скрытая агрессия* (С. Аттардо, В. В. Дементьев, Дж. Хайман), *ирония как стратегия вежливости и смягчения критики* (П. Браун и С. Левинсон, Дж. Лич) и *ирония как способ доминирования* (П. Бурдые, К. М. Шилихина)¹. В любом случае сущность иронии определяется обобщённо как взаимодействие двух противоположных смыслов: смысла, который создаётся текстом (далее – смысл высказывания), и смысла, который вкладывает в него автор (далее – смысл автора). Акцентируя внимание на оценочном потенциале иронии и её когнитивных возможностях, З. А. Заврумов отмечает: «Ироническое высказывание всегда включает две оценки, противоположные по своему характеру: позитивную и негативную, первая репрезентирована эксплицитно, вторая содержится в таком высказывании имплицитно. Лингвориторическая суггестия иронии прямо пропорциональна глубине противоречий между вербализованным и подразумеваемым» [6, с. 222].

Наши эксперименты 2018–2019 гг. показали, что понимание иронии не зависит ни от уровня образования, ни от когнитивных способностей языковой личности. Ирония в коммуникации также в подавляющем большинстве случаев не отражает мировоззрения и выражает оценку говорящего в ценностном ключе (разумеется, это высшая ипостась и задача иронии и они реализуются в значимых для говорящего случаях, при условии, что он является элитарной языковой личностью с полностью сформированным мировоззрением), а направлена на решение приземлённых прагматических задач: уязвить собеседника как можно сильнее, защитить себя в зарождающемся конфликте, добиться своего, не вызвав ответной агрессии, повысить свой статус и т. д.

Именно этим обусловлены популярность терминов и неоднозначность реакции на реализацию описываемых явлений в языке. Ирония маркирована культурой как элитарный способ мышления, многие, прежде всего молодые, носители языка, воспринимают иронию как способ приобщиться к элитарности, хотя фактически не опознают иронии и негативно относятся к иронической коммуникации в реальной жизни. Большинство носителей языка, участвовавших в наших экспериментах, одновременно **декларировали** положительную оценку иронии, умение её понимать и использовать и **демонстрировали** неприятие иронии в поведении субъектов коммуникации, за которыми наблюдали. Более того, использование иронии в бытовой коммуникации чаще всего маркировалось как невежливость, невоспитанность, грубость, неумение коммуницировать грамотно, т. е. как поведение не элитарной, а, наоборот, ущербной языковой личности. Для иллюстрации приведём данные эксперимента 2022 г. В эксперименте приняли участие около 100 носителей русского языка, проживающих в Москве и представляющих три возрастные группы (от 17 до 22 лет – студенты-бакалавры московских вузов; от 23 до 30 лет – люди с высшим образованием (уровень – бакалавр), на-

¹ См.: Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 375 с.; Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2014. 50 с.; Attardo S. Irony as Relevant Inappropriateness. // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. P. 135–172; Bourdieu P. Language and Symbolic Power Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 302 p. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1987. 345 p.; Haiman J. Talk is Cheap: Sarcasm, Alienation, and the Evolution of Language. Oxford: Oxford University Press, 1998. 220 p. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1991. 250 p.

чавшие трудовую деятельность по специальности или продолжающие обучение в магистратуре; небольшая группа старше 30 лет с высшим образованием; контрольная группа взрослых носителей языка старше 25 лет с уровнем коммуникативной компетенции выше среднего и высокий – люди с полным высшим образованием (уровень – специалист) и преподаватели вуза, в том числе имеющие научные степени). В интересующем нас сегменте эксперимента носителям языка предлагалось оценить коммуникативное поведение человека в следующей ситуации: *Человек в автобусе / поезде слушает музыку (смотрит какие-то ролики) без наушников. Его сосед Д. не выдерживает и говорит: “А что, наушники уже больше не производят?” Оцените поведение Д.* До этого момента участники основной группы в рамках эксперимента с иронией не сталкивались и не знали, что эксперимент связан с иронией. В этой фазе эксперимента участникам также никаких комментариев или дополнительных вопросов не задавалось.

Из 83 участников основной группы 45 назвали поведение Д. грубым, агрессивным, невежливым, некорректным. Три участника указали на то, что он выбрал для замечания вежливую, смягчённую форму, один из них использовал оценку «с юмором», второй (единственный из всей группы) указал, что это ирония. Ещё один участник отметил важность интонации для оценки поведения Д., указав, что если интонация правильная, то и поведение нормальное. Остальные участники поддержали поведение Д., не оценивая его формы.

В финальной стадии эксперимента участников прямо спросили, как они относятся к иронии (предшествующие стадии эксперимента с ними не обсуждались). Отрицательную оценку высказали всего 4 человека. 66 участников дали положительную оценку иронии.

Результаты участников экспериментальной группы, которые не получали информации о том, что исследуется ирония, в момент оценки поведения коммуникан-

та, совпали с результатами контрольной группы, в которой данный пример был приведён как иллюстрация иронического поведения в процессе разговора об иронии. Участники контрольной группы, высказавшие положительную оценку иронии вообще и негативно оценившие поведение коммуниканта, аргументировали это тем, что этот случай *не ирония* или что этот случай *неправильная ирония*. Фактически мы видим, что ирония в реальной коммуникации положительно оценивается и воспринимается лишь небольшой группой носителей языка, тогда как само явление иронии большинство носителей языка относит к правильным и уместным. В результате серии экспериментов мы предварительно выделили 4 группы носителей языка по отношению к иронии: понимает и принимает (фактическое принятие), понимает и не принимает (фактическое неприятие), не понимает и принимает (декларативное принятие), не понимает и не принимает (декларативное неприятие) [8, с. 131–132]. Большинство носителей языка относятся к третьей группе, декларируя положительную оценку иронии и при этом с трудом идентифицируя иронические контексты. В целом, в их реакциях мы видим либо неверное понимание замысла иронического высказывания, т. е. прямую интерпретацию сообщаемого, при которой смысл высказывания понимается, а его несовпадение со смыслом автора не осознаётся или игнорируется, либо оценку высказывания / поведения коммуниканта как агрессивного, невежливого, грубого.

Это обуславливает высокий конфликтный потенциал иронии в коммуникативном взаимодействии, т. к. небольшие группы второго и четвёртого типов так же реагируют на иронические высказывания одним из двух обозначенных способов: представители второго типа правильно интерпретируют текст как иронию и оценивают поведение коммуниканта как агрессию (обычно используют оценки типа *язвительно, сарказм, неуместный сарказм, презрительное отношение*); представители четвёртого типа иронии не видят и чаще

всего неправильно понимают говорящего, не понимают его совсем или начинают подозревать, что говорящий не уважает их, ставит себя выше (это, кстати, отмечается и как основное объяснение неприятия иронии вторым типом коммуникантов). В связи с этим появление иронии способствует успешному продолжению коммуникации, только когда в качестве реципиента выступают представители первого типа носителей языка, в остальных случаях наиболее частотным сценарием становится или коммуникативная неудача (реципиент не опознаёт иронии и, соответственно, не понимает смысла автора), или срыв коммуникации в конфликтную фазу. Это отмечали и сами участники описываемого эксперимента при оценке поведения Д.:

– *Правильно... Но вряд ли тот человек поймёт иронию* (единственный ответ, содержащий слово *ирония*, как мы отмечали выше);

– *Неагрессивное, но выражающее недовольство поведение. Оно, очевидно, провоцирует человека на конфликт, но я бы одобрила поведение Д.;*

– *Не самый тактичный подход, так Д. может начать конфликт.*

И только один из участников, указал, что поведение Д. предотвращает конфликт: *Д. очень раздражает такое поведение, поэтому он и делает замечание, но старается из нотации превратить это в шуточное замечание, чтобы сидящему рядом было не так неприятно.*

В рамках проблематики данной работы особенно интересно, что сходные данные по взаимосвязи способности правильно интерпретировать использованные говорящим средства и степени конфликтности коммуникации предоставляют и эксперименты, изучающие языковую игру: «Успешность смягчения угрозы напрямую зависит от языкового опыта коммуниканта и его способности дешифровать языковую игру. Непонимание языковой игры респондентами однозначно связывается с невежливостью – вплоть до того, что, даже если коммуниканты сами языковую игру поняли, но подозревают, что её мо-

гут не понять другие, они указывают на её потенциальную невежливость по отношению к этим людям. В связи с этим интересен тот факт, что "виновным" кажется тот коммуникант, который употребил речевой акт, непонятный собеседнику, а не тот коммуникант, который не смог его дешифровать»¹ [1, с. 191].

Языковая игра и ирония: проблема соотношения понятий

Проблема соотношения иронии и языковой игры активно осмыслялась в русистике прошлого десятилетия (З. А. Заврумов, А. В. Кузнецова², Л. В. Самыгина³, К. М. Шилихина и др.). В основном предлагаются два решения: ирония как вид / способ / приём языковой игры и, наоборот, языковая игра как средство реализации иронии. К примеру, З. А. Заврумов отмечает: «Эффект языковой игры усиливается за счёт реализации образных и стилистических приёмов, в числе которых ирония занимает одно из центральных мест» [7, с. 65], т. е. фактически рассматривает иронию как один из приёмов реализации языковой игры в тексте. Обратную ситуацию мы видим в работе К. М. Шилихиной: «Если в результате языковой игры создаются, например, иронические отношения, то такую игру уже нельзя назвать только развлекательной» [14, с. 39]. Языковая игра здесь представляется способом, механизмом порождения иронии: «языковая игра – один из приёмов создания иронии в дискурсе» [14, с. 44].

Нам кажется наиболее целесообразным рассматривать оба явления в системе ко-

¹ Маркирование коммуникативного поведения как невежливого выступает конфликтогеном и усиливает конфликтность (потенциальную или реальную) коммуникативного акта. И, наоборот, опознание и верная интерпретация языковой игры снижает конфликтность.

² См.: Кузнецова А. В. Языковая игра и ирония в художественном тексте: лингвокультурологический аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 4 (25). С. 67–69.

³ См.: Самыгина Л. В. Ирония как метатекстовый феномен в рассказах С. Довлатова: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 212 с.

ординат теории непрямого коммуникации. Понимая непрямую коммуникацию вслед за В. В. Дементьевым как «содержательно осложнённую коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [5, с. 5], мы полагаем, что для обоих явлений характерно наличие минимум двух смысловых пластов: внешнего, собираемого из смыслов использованных языковых единиц, и внутреннего, соответствующего замыслу автора, контексту и коммуникативной ситуации в целом. Как называют это применительно к иронии Е. Г. Борисова и Ю. К. Пирогова в аннотации к своей статье 2013 г.: «сложный случай кодировки намерений говорящего» [2, с. 148]. К. М. Шилихина указывает на это же применительно к языковой игре: «языковая игра – это сигнал усложнения смысловой структуры сказанного» [14, с. 39].

Различаются же они, как нам представляется, внешним пластом. При языковой игре он во всех случаях оценивается реципиентом как невозможный, неправильный по разным основаниям: по форме входящих в него языковых единиц, по соответствию коммуникативной ситуации или нормам поведения, принятым в данном социуме и данной культуре. Внешний пласт иронии, напротив, по большей части этих показателей должен быть признан нормативным, правильным. Он не соответствует лишь представлению реципиента о том, что может считаться нормальным и правильным данным конкретным говорящим, находящимся в данных обстоятельствах. Как нам видится, на нижних уровнях несоответствий, т. е. при нарушении фонетической, графической, лексической, грамматической нормы (ненормативном создании и воспроизводстве языкового знака), языковая игра является механизмом воздействия на реципиента, в том числе иронического. На более высоких уровнях (коммуникативном, лингвокультурном, мировоззренческом) ирония и языковая игра сближаются, совпадая на

коммуникативном уровне, т. к. основным признаком иронии является не соответствие высказывания контексту и личности говорящего, что равнозначно языковой игре на коммуникативном уровне. А далее, видимо, можно говорить о том, что уже ирония становится механизмом языковой игры, т. к. сигналом нарушения нормы становится несоответствие сообщаемого и личности говорящего: этот человек (с таким уровнем образования, с таким воспитанием, имея такую профессию, так оценивающий мир и т. п.) не может так считать, следовательно, то, что он говорит, не соответствует тому, что он думает на самом деле, – значит, он либо говорит неправду, либо играет со мной. На этом уровне ирония и ложь сближаются настолько, что ряд исследователей предлагает рассматривать их как нечто единое или во всяком случае близкое (Р. Браун, О. П. Ермакова, Дж. Лич, В. М. Пивоев, В. О. Пигулевский, Б. Фрейзер и др.)¹. Однако, как отмечает А. А. Горностаева, «ирония, в отличие от лжи, не имеет намерения стать правдой, а передаёт сигнал о намеренной неискренности автора иронического высказывания» [4, с. 993].

Заключение

1. Языковая игра – это умышленное нарушение норм, существующих в сознании участников коммуникации, средствами языка с целью привлечения внимания реципиента языковой игры к нарушаемым нормам и возникающим на базе этих нару-

¹ Ермакова О. П. Ирония и её роль в жизни языка. Калуга: КГПУ имени К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.; Пивоев В. М. Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. 106 с.; Пигулевский В. О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму: научное издание. Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. 418 с.; Brown R. L. The Pragmatics of Verbal Irony // Language Use and the uses of Language. Washington 1980. P. 111–127; Fraser B. The Domain of Pragmatics. Language and Communication. London: Longman, 1983. P. 29–59; Leech G. N. Principles of pragmatics. London, New York: Longman, 1983. 264 p.; Giora R. Irony and Its Discontent // Utrecht Publications in General and Comparative Literature. Vol. 35. Amsterdam, Philadelphia, 2001. P. 165–185.

шений смысл. Если реципиент не видит нарушения или не понимает его осознанности и наличия авторского замысла, это приводит к коммуникативной неудаче и является конфликтогеном как для автора сообщения, так и для его реципиента. Если реципиент опознаёт нарушение как умысел автора и предпринимает попытки понять цель, это не только делает коммуникацию успешной, но и способствует повышению доверия между коммуникантами.

2. Языковая игра на уровне разрушения, искажения, окказионального образования языкового знака определённо является инструментом иронии (как и прагматики, вербального воздействия и лингвокреативности). В то же время ирония может рассматриваться как частный случай языковой игры, когда умышленно и очевидно для всех или некоторых реципиентов нарушаются принципы кооперации Грайса, проявляется несоответствие между образом автора высказывания и смыслом этого высказывания, когда сказанное не соответствует той реальности, в которой происходит.

3. Ирония – это форма не прямой коммуникации, при которой смысл автора не соответствует, а часто и противоположен смыслу сообщаемого, причём обязательным условием иронии является как наличие особых маркёров, позволяющих опознать ироническую интенцию автора, так и сохранение хотя бы минимальной возможности прямой интерпретации сообщаемого. Например, Е. Г. Борисова и

Ю. К. Пирогова отмечают, что ирония используется в ситуациях, когда прямое высказывание может угрожать судебным преследованием, тогда как ироническое предметом судебного разбирательства быть не может именно потому, что ирония не может быть доказана, только почувствована говорящим [2, с. 158].

4. Ирония является одним из наиболее мощных вербальных конфликтогенов, особенно в случае, когда реципиент опознаёт себя объектом иронии. В то же время рядом носителей языка ирония воспринимается и как один из наиболее действенных способов смягчения критики и подачи советов. Конфликтный потенциал иронии очень высок во всех видах коммуникативного взаимодействия, включая художественный текст.

5. Большинство носителей русского языка декларируют положительное отношение к иронии, однако опознаёт, понимает и принимает иронию, особенно в свой адрес, гораздо меньшее количество людей. В бытовой коммуникации ирония воспринимается многими носителями языка как агрессивный и грубый вариант коммуникативного поведения, особенно в адрес незнакомого человека, и часто сам факт использования иронии выступает мощным конфликтогеном, провоцирующим переход коммуникации в конфликтную фазу, даже если говорящий прав, в том числе и по мнению самого адресата.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баев Е. В. Коммуникативная роль языковой игры в вежливой коммуникации (на русском языковом материале) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 186–192.
2. Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К. Моделирование нетривиальных условий понимания сообщения (на примере иронии) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 148–162.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.
4. Горностаева А. А. Ирония как культурный и языковой феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 4. С. 990–1002.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 375 с.
6. Заврумов З. А. Ирония в художественном тексте: лингвостилистика или лингвориторика? // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 8. С. 219–226.

7. Заврумов З. А. Прагматическая структура иронии в аспекте языковой игры: интенциональность и оценочность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 2 (177). С. 63–68.
8. Захарова М. В. Отношение к иронии как один из аспектов описания языковой личности // Филологические чтения. Человек. Текст. Дискурс. Ярославль: Филигрань, 2022. С. 127–132.
9. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
10. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2008. 196 с.
11. Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. 392 с.
12. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / пер. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
13. Тимофеева Н. Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 5–9.
14. Шилихина К. М. Ирония как эффект языковой игры // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2010. С. 37–45.

REFERENCES

1. Baev E. V. [The Communicative Role of a Language Game in Polite Communication (On the Russian Language Material)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2021, no. 2, pp. 186–192.
2. Borisova E. G., Pirogova Yu. K. [Modeling of Non-Trivial Conditions for Understanding a Message (On the Example of Irony)]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Vyp. 12 (19). T. 1* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies. Iss. 12 (19). Vol. 1]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 148–162.
3. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophische Untersuchungen]. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p.
4. Gornostaeva A. A. [Irony as a Cultural and Linguistic Phenomenon]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2019, no. 4, pp. 990–1002.
5. Dement'ev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 375 p.
6. Zavrumov Z. A. [Irony in a Literary Text: Linguo-stylistics or Linguo-Rhetoric?]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University], 2014, no. 8, pp. 219–226.
7. Zavrumov Z. A. [The Pragmatic Structure of Irony in the Aspect of the Language Game: Intentionality and Evaluation]. In: *Vestnik Aдыгейского gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2016, no. 2 (177), pp. 63–68.
8. Zaharova M. V. [Attitude to Irony as One of the Aspects of the Description of a Linguistic Personality]. In: *Filologicheskie chteniya. Chelovek. Tekst. Diskurs* [Philological Readings. Human. Text. Discourse]. Yaroslavl, Filigran Publ., 2022, pp. 127–132.
9. Zemskaya E. A., Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. [Language Game]. In: *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech: Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 172–214.
10. Konovalova Yu. O. *Yazykovaya igra v sovremennoi russkoi razgovornoj rechi* [Language Game in Modern Russian Colloquial Speech]. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and Service Publ., 2008. 196 p.
11. Gridina T. A., ed. *Lingvistika kreativna-5* [Linguistics of Creativity-5]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2020. 392 p.
12. Searle J. R. A Classification of Illocutionary Acts (Rus. ed.: Dem'yanov V. Z., transl. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov*). In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 170–194.

13. Timofeeva N. Yu. [Pragmatic Aspect of the Concept of "Language Game"]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2019, no. 2, pp. 5–9.
14. Shilihina K. M. [Irony as an Effect of a Language Game]. In: *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda. Vyp. 8* [Language, Communication and Social Environment. Iss. 8]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2010, pp. 37–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Мария Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Московского городского педагогического университета;
e-mail: mary-zaharova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria V. Zakharova – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian Language, Moscow City University;
e-mail: mary-zaharova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Захарова М. В. Языковая игра и ирония в коммуникативном взаимодействии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 44–54.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-44-54

FOR CITATION

Zakharova M. V. Language Game and Irony in Communication Interaction. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 44–54.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-44-54